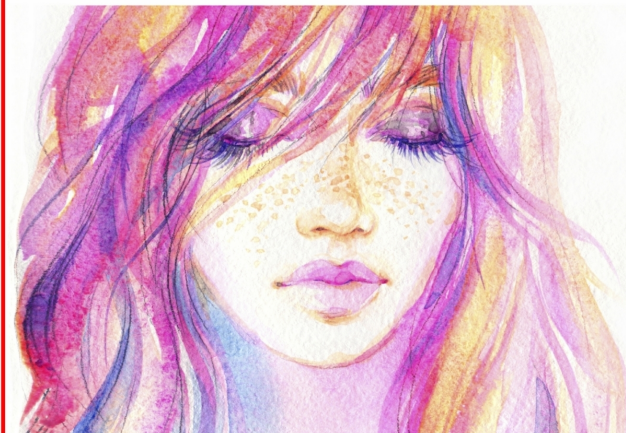

Елена Стриж

КНИГА 1

*Любовь
есть единственная
разумная деятельность человека*

Цветные голоса

*Фотография
Что уставился?
Цветные голоса
Всему есть начало
и т.д.*

16+

Елена Стриж
Цветные голоса
Серия «А. Эротика. Любовь
есть единственная разумная
деятельность», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48498700

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93100-8

Аннотация

Автор поставил целью показать через свои рассказы, когда девочка понимает, что она не такая, как мальчик, а мальчик задумывается, как он появился на этот свет. Зачем взрослые целуются и когда появляется влюбленность? Что такое тело и почему оно манит? Что происходит с душой, когда ты влюбляешься? Книга не оставит вас равнодушными.

Содержание

Автор рекомендует:	4
Верка	5
Начало	14
Что уставился?	28
Сад	37
Фотография	44
Колпачок	53
Сон	61
Цветные голоса	68
1	68
2	73
3	78
4	82
5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елена Стриж

Цветные голоса

Автор рекомендует:

Серия: [Любовь есть единственная разумная деятельность](#)
«[Цветные голоса](#)», «[Умышленная блокировка](#)», «[Погружение](#)», «[Хвостик](#)», «[Щекотка](#)», «[Я не такая](#)», «[За стеклом](#)», «[Крик](#)», «[Три К](#)», «[Ракушка](#)», «[Беги](#)».

Серия: [Розовый бархат](#)
«[Розовый бархат](#)», «[Что там?](#)», «[Тишина](#)», «[Щекотка](#)», «[Шепот](#)», «[Погружение](#)».

Серия: [Крик](#)
«[Стук](#)», «[SEX-машина](#)»

Серия: [Любовь в процентах](#)
«[Начало. Часть 1](#)», «[Игрушка](#)», «[Любовь в процентах](#)».

Серия: [Щекотка](#)
«[Почему бы и нет](#)», «[Котятки](#)», «[Круг](#)», «[Маньяк](#)», «[Клеймо](#)», «[Сволочи](#)», «[Клуб](#)», «[Мармеладка](#)».

Серия: [Тетрадка](#)
«[Черновик-1](#)», «[Черновик-2](#)», «[Черновик-3](#)».

Верка

- Ты куда идешь?
- Отстань.

– Ну куда? – крикнул вдогонку щуплый мальчишка.

– Тебе какое дело?

– Никакого. И все же, куда? – не унимался он.

– Слушай, тебе что, делать нечего?

– Есть, – не сбавляя шагу и не отставая, ответил он.

– Вот и иди, займись своими делами, а ко мне не приставай, – возмутилась девушка и ускорила шаг.

– А тебе что, жаль?

– Да, – резко ответила ему.

– А что так?

– Мне некогда, отстань, – не останавливалась она и зло посмотрела на мальчишку.

– А ты куда так спешишь?

– Что?

– Куда, спрашиваю, спешишь? – не унимался он, быстро перебирая ногами, стараясь не отстать.

– Надо. И вообще, что тебе от меня надо?

– Ничего, просто так.

– Просто так не бывает, что надо? – девушка стала злиться.

– Ничего.

– Странно, ничего, а все талдычишь, куда да куда я иду.

– Да, куда? – повторил он свой вопрос.

– Опять ты за свое. Отстань.

– Не могу, – не унимался он.

– Почему?

– Не знаю, просто интересно, куда это ты бегаешь каждый день, да еще так шустро.

– Ты что, следишь за мной? – поинтересовалась она.

– Нет, но ты каждый день в одно и то же время бежишь за Веркой.

– Что? – она резко остановилась, была явно этому удивлена.

– Ну да, как только Верка выскакивает из конторки, ты сразу за ней.

– Какая еще Верка? – сделала удивленный голос девушка и пошла дальше.

– Не притворяйся. Может мне у нее спросить, куда она ходит, тогда будет понятно.

– Ну что ты пристал ко мне? Вот тогда иди сам за Веркой! – она уже не знала, как отвязаться от него. Может отпихнуть или убежать? Но ведь догонит.

– Не могу, – честно признался он.

– Почему это?

– Она уже ушла, – как факт сказал мальчишка и сразу спросил, – а ты знаешь куда?

– Мне что, перед тобой отчет держать?

– Нет, просто скажи, вот и все.

Шлепая порванными сандалями, девушка шла по единственной деревенской улице, что начиналась от селпо и уходила за просеку, к старому, как сама вечность, кладбищу. Шла быстро и на ходу успевала отвечать на дурацкие вопро-

сы. А он все не отставал, то шел вприпрыжку, то бежал за ней.

– Если не скажешь, то Верке расскажу, что за ней следишь, – вдруг заявил мальчишка.

– Вот черт!

– Не ругайся, просто меня раздражает любопытство.

Девушка остановилась как вкопанная. Пацан, что бежал за ней, чуть не налетел на нее. Тяжело дыша от быстрой ходьбы, она повернулась, пристально посмотрела ему в глаза, потом оценивающим взглядом скользнула с макушки головы до пыльных пят и сказала:

– Ты как банный лист пристал и не отстаешь.

– Что?

– Что да что, – она задумалась на какое то время, потом посмотрела в направлении, куда ушла Верка. – Хорошо, но если ты кому-то расскажешь, я не знаю, что с тобой сделаю... Скажу, что ты подсматривал за Веркой в бане.

– Что?

– Тогда посмотрим, как ты будешь от нее бегать.

– Это нечестно, – возмутился он, – и вообще, я не подсматривал за ней.

– А кто тебе поверит? – она вопросительно смотрела на него. – Ну что, согласен?

– Ладно, – еле выдавил из себя пацан.

– Громче, а то я не поняла, – резко заявила она.

– Ладно, чтоб мне пусто было, никому, – и щелкнул ног-

тем по зубу, как дают клятву малышня, — ну, говори.

— Нет, — и не дожидаясь ответа, пошла еще быстрее чем прежде.

— Не честно, — закричал он и бросился за ней.

— Идем, все равно не поверишь, — и она тут же перепрыгнула через изгородь и пошла по огороду, засаженному картошкой.

— Куда идем?

— Все. А теперь молчать и не слова, — почти приказала девушка.

Она шла так быстро, что ее сопровождающий несколько раз падал. Он ругался, но продолжал идти за ней. Девушку зовут Светлана, в поселке всегда была самой бойкой. Наверное, поэтому к ней и тянулись парни. И не только ее ровесники, но и эта шпана как Игорь, что сейчас бежал за ней. Он всего-то младше на год, но вот ростом не удался, поэтому, все его и называли стручком-недоростком. Светлана была выше его почти на голову и этим гордилась.

Наконец они прошли поле и начали спускаться к реке. Светлана повернулась к Игорю, он хотел было ее спросить, что встали, но она опередила.

— Молчи и тихо иди за мной, тихо, понял? — в ответ он кивнул. Только было хотел открыть рот для вопроса, как она резко повторила. — Молчи!

Девушка шагнула в камыши. Шли по еле заметной тропинке, иногда под ногами хлюпала вода, потом они вышли

на небольшой бугорок и с него спустились к обрыву. Светлана нагнулась, повернулась к Игорю, приложила палец к губам, давая тем самым понять, что теперь надо вести себя совсем тихо. Она прошла несколько метров, присела на корточки и поползла на коленках к самому краю обрыва, а потом и совсем легла на живот и, раздвигая руками высокую траву, по-пластунски поползла. Игорь сделал то же самое, но учитывая, что он не знал, чего ожидать, то делал это гораздо медленней и осторожней, как будто боялся спугнуть белку на полянке.

Оба тяжело дышали, сквозь траву они увидели на противоположном берегу реки Верку. Она с кем-то целовалась, кто-то ее прижимал, а она изгибалась у него в руках, да так сильно, что подол платья сбился, и Игорь заметил ее широкие трусы. Увидев эту сцену, он сделал невозмутимое лицо, мол, что я бежал и полз за тем, чтобы подглядывать за какой-то Веркой. И хотел уже что-то прошептать, как Светлана приложила палец к его губам, говоря тем самым: «Молчи».

– Тихо, сейчас начнется, – и не получив ответа, девушка, как кошка в поле, еще ниже прижалась к земле и осторожно подтянулась чуть-чуть к обрыву.

Игорь отвернулся и, копируя ее движения, продвинулся чуть ближе вперед. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что с Верки уже было снято платье. Теперь ему действительно стало любопытно, и он еще чуть-чуть продвинулся вперед. Верка кувыркалась среди кустов, Игорь никак не мог понять,

кто это с ней. Ее белые ноги то и дело мелькали среди листьев, а потом она сама стащила с себя трусы, и тут они увидели ее белоснежный зад. Игорь не выдержал и зашептал:

– Вот это да, – почувствовав на себе свирепый Светин взгляд, он вжал голову в плечи, как будто ожидал оплеуху.

Они оба замерли и впились глазами в сцену, что разворачивалась там внизу. Мало что было видно среди кустов, но смысл был понятен, доносившиеся звуки дополняли картину. Светлана отползла от края и легла на спину. Игорю тоже стало не по себе, как будто ему больше всего это надо, но любопытство брало свое, и он еще несколько раз подползал к краю обрыва и всматривался в очертания тел, что бесформенно переплетались среди зелени.

Все стихло. Они оба лежали на спине и смотрели в небо, там очень высоко проплывали прозрачные облака. Первой тишину прервала Светлана.

– Я никогда не думала, что она... – Ее слова растянулись, – это наверное здорово... Как ты думаешь?

Игорь перевернулся на живот, подполз к краю обрыва и посмотрел вниз.

– Они уходят, – тихо доложил он.

– Да, я знаю.

– Откуда?

– У нее кончается обед, вот поэтому у Верки в распоряжении только час.

– А... – Как бы понимающе сказал Игорь.

Светлана села и повернула голову в противоположную сторону.

– Как ты думаешь, что она чувствует? – задумчиво спросила она у Игоря.

– Кто?

– Вот дурак, ну конечно же Верка? – она была возмущена его тугодумием.

– Откуда мне знать, я ведь не девчонка, тебе лучше знать, – он посмотрел в сторону уходящей тети Веры. – А ты что думаешь?

– Не знаю. Наверное, это здорово, иначе бы Верка этого не делала.

– А ты давно это... – Кивнул в сторону уходящей фигуры, – приходишь сюда?

– Да нет, так, случайно получилось, – и не закончив фразы, Светлана встала и пошла.

– А ты могла бы?

– Что? – не поворачивая головы, спросила она.

Игорь соскочил и бросился за ней вдогонку.

– Ну, это, вот так, как она.

– Не знаю, не думала над этим.

Она шла и болтала на равных с Игорем. Теперь Светлана могла с ним об этом говорить, ведь он стал обладателем ее секрета. И он тоже мог с ней говорить на равных, даже несмотря на то, что она старше его и выше на целую голову.

– А ты, все же, могла бы вот так? – не унимался Игорь.

– Что так? – она поняла вопрос, но сделала вид, что нет.

– Ну, вот так, как Верка, стонать и...

– Я не она, – резко ответила Светлана, – да и тебе-то какое дело?

– Нет, я так просто спросил. Интересно, почему она так?

– Что так? – Светлана остановилась и сверху посмотрела на Игоря.

Он подошел вплотную к ней и как ни в чем не бывало посмотрел ей в глаза.

– Ну, я имел в виду... – Он хотел было закончить свои рассуждения, но Светлана не дала ему это сделать.

– Слушай, она просто занималась сексом и получала, что хотела, вот и все, – Светлана смотрела на него так, как будто вопрос был решенным и не подлежал дальнейшему обсуждению.

– Ты меня что, за идиота считаешь? Я это и так понял, я имел в виду...

– Ничего ты не имел в виду, ты просто хочешь знать, что она чувствовала в этот момент, – Светлана отвернулась от него и пошла. – Я не знаю, что она испытывала, но думаю, что это ей очень нравится, ты согласен?

В ответ Игорь только и сказал одно короткое слово:

– Да.

Начало

– Если узнаю, что опять ходила на речку, выпорю! – так

мама каждое утро говорила Вере. – Тебя это тоже касается, – обращалась она к ее брату.

А что делать летом в деревне, если не ходить в лес, не играть и не купаться. Ну вот что? Маринка на пару дней уехала в город, Светку бабушка наказала и теперь та окучивает огород. Вера, оттолкнув младшего брата, села у окна и стала строить свои коварные планы на день. Лешка, ее брат, сейчас убежит к Витьке, что живет через дом. Они уже третий день строят за сараем свою крепость. Но ей с ними неинтересно.

Вера покрутилась и, дав подзатыльник Лешке, пошла в огород.

– Мамка говорила не купаться! – крикнул он ей в след.

– Отстань.

– Расскажу.

– Получишь у меня. Понял! – и даже не взглянув на брата, открыла калитку и перешагнула запретную черту.

– Все равно расскажу, – донесся его голос, но Вера уже не слышала его.

Она перемахнула через картофельные ряды и быстрым шагом скрылась в кустах. До речки идти не так уж и далеко, надо свернуть налево, через огороды баб Клавы. Можно и тут пройти, но здесь вдоль берега рос непроходимый камыш, а ей нужно добраться до поворота, а после под мост. Он вообще выглядел странно: кругом поля и лес. Куда дорога вела, а кто его знает, кажется, по нему никто и не ездил, разве что раньше, когда был колхоз.

Вера прислушалась. Тишина, только стрекот кузнечиков и смешные стрекозы, словно маленькие вертолеты, зависали над водой, кружились и резко улетали обратно в лес. Она уже много раз приходила сюда. Ее никто не застывает, да и некому. Присела на бревно, опустила ноги в воду и стала слушать, как вода журчит. На душе что-то щекотало, она передернула плечами, покрутила головой из стороны в сторону и, быстро поднявшись, стала раздеваться.

Чтобы мама не узнала, Вера снимала все, что на ней было и, осторожно ступая, погружалась в воду. Так тихо. Она закрывала глаза и, раскинув руки в стороны и стараясь держаться на воде, спокойно плыла по течению. «О чем там Маринка говорила? – думала девочка, шурясь от яркого солнца. – Вроде ей книжки привезли, надо взглянуть». В прошлый раз они вместе читали про Людовика, несколько глав не было, кто-то умудрился их вырвать. Но это не помешало девочкам повздыхать и представить, каково это – жить в замке.

Вера несколько раз нырнула, заплывала под ивы. Но там, как и в прошлый раз, ничего не было. Одной купаться скучно, она еще немного поплавала и решила вернуться домой. Но как только вышла на берег, тут же замерла от ужаса. Ее одежды не было.

– Козел, – первое, что успела сказать она. – Поймаю, отлуплю.

Вера завертела головой в поисках платья, но его не было,

так же как трусиков и даже сандалий. Она взвыла от гнева на своего брата. Он давно обещал, что если она будет купаться, то стащит ее одежду. Ну кто еще мог на такое решиться, только Лешка.

– Отлуплю! – крикнула она. – Верни обратно!

Но ответа не последовало, будто вещи просто испарились. Она не боялась купаться голышом, но остаться без одежды – это уже другое дело. Не то страх, не то гнев, не то ужас овладел ею. Она быстро вернулась в речку и, продолжая вертеть головой по сторонам, старалась найти выход из положения.

Может Лешка забросил вещи в кусты. Пришлось снова выйти из воды. Она озиралась по сторонам, будто ее могли тут увидеть. А кто тут вообще ходит? Так, старики на покос, да иногда горожане, что ходят в лес по грибы. И все же Вера боялась, что ее засекут, а еще осмеют мальчишки. В животе все сжалось, ноги с трудом слушались, а сердце так и тарахтело, как у дядь Паши его мотоцикл.

Вера под самым мостом вышла на берег, прижимаясь как можно ниже к земле, словно кошка на охоте. Уши улавливали любой шум, треск сучьев. Она замирала, медленно поворачивала голову на шум и, убедившись, что ей ничего не угрожает, двигалась дальше.

Сколько раз она тут бегала, но сейчас на ней ничего нет. Ужасное состояние быть голой. Ее глаза пристально всматривались в кусты, выискивая розовое пятно платья, но его не было.

– Поймаю, отлуплю, – шептала она и продолжала двигаться дальше.

Так Вера шаг за шагом обследовала берег, все пространство под мостом, даже высунула голову из-за моста, но ее одежды нигде не было.

– Дурак, козел противный. Что мне теперь делать? – чуть ли не рыдая прошептала девочка и опять спустилась под тень моста. – Лешка, верни! – на всякий случай крикнула она, но ответа снова не последовало.

Мысли вернулись из прошлого, тихо пиликал стационарный телефон, лампочка, мигая красным цветом, сообщала, что вызов идет от секретаря.

– Да, – спокойно сказала молодая женщина.

– Вера Степановна, к вам на собеседование пришли.

– Хорошо, пусть проходят.

И тут же отключила громкую связь. Вот уже четвертый год она работает начальником отдела кадров на мебельной фабрике «Трия». Почти целый год потратила на то, чтобы хоть как-то навести порядок с тем бардаком, что творился с документами. А после поставила ультиматум: либо она уходит, либо ей расширяют полномочия в работе, включая самостоятельный прием, а также увольнение за нарушение трудовых контрактов. Руководство видело только часть производственного цикла: выставки, контракты, показатели оборотов. Но они не очень вникали в вопросы кадров. А тут как

раз было на что смотреть.

– Можно? – постучав в дверь, заглянула уже в возрасте женщина.

– Да, проходите.

У нее на столе лежали заявки на подбор сотрудников: бухгалтер, крановщик, водитель электрокара, два разнорабочих и сотрудник в делопроизводство, старого она лично уволила за безграмотность.

– Вот, – женщина протянула стандартный бланк-анкету.

– Хорошо, давайте сразу перейдем к делу, – Вера не любила сюсюкаться, некогда, слова излишни. – Как у вас с русским языком?

– В школе была пятерка, но время...

– Понимаю, вот вам тест, в вашем распоряжении десять минут. Прошу, присаживайтесь и начнем.

Женщина присела и без лишних слов стала вносить в пробы буквы. Вторым тестом была скорость печати и знание программ, с которыми ей придется иметь дело. Вроде простая должность, но Вера Степановна устала отказывать. Двадцать пять претендентов и все пустышки. Только последняя оказалась той, которую она приняла на работу. Смешно сказать, но к ней приходили преподаватели русского языка, и безграмотность пестрила. А вот эта девушка по национальности татарка, просто умничка, ни одной ошибки. Вера даже не поверила, когда просматривала ее тест.

Девочка злилась. Она вернулась к реке, озираясь по сторонам. Зашла в воду и уже нехотя поплыла. Деваться некуда, Лешка забрал ее вещи. Наверняка теперь, улюлюкая от радости, мчится по огородам домой. Но что ей делать? Она медленно плыла вдоль зарослей ивы. Еще немного, и пойдут камыши, а у них листья острые, могут и порезать.

Захотелось вернуться обратно под мост, может вещи там? Но Вера знала точно, что нет. Опять в душе промелькнул страх, и сразу стало холодно. Выйти, а что дальше? Вера не знала что делать. Осторожно подплыла к камышам и ступила на глинистое дно.

— Бе... — поморщилась девочка и, выпрямившись, покосилась на противоположный берег.

Стараясь не повредить ступни, она стала пробираться через камыши. В какой-то момент даже забыла, что голая. Жесткая трава кололась, откуда-то взялись слепни и как истребители стали кружить над ней.

— Пошли прочь, — отмахиваясь от них, прорычала Вера и продолжила свой опасный маневр среди высокой травы.

Минут через десять она миновала непроходимые, как ей раньше казалось, береговые заросли, а дальше начиналось самое опасное. Она опять съежилась. Чувство стыда, будто на тебя уже смотрят множество глаз и о чем-то там шушукуются. Ком в горле не дал ей заплакать, она как можно ниже присела и стала всматриваться в небольшую поляну, что разделяла камыши от огорода бабы Клавы.

– Вроде никого, – тихо, словно ее мог кто-то услышать, сказала Вера и, стараясь держаться как можно ниже, двинулась дальше.

Ее слух улавливал далекие голоса, лай собак, мычанье коров и рокот трактора. Ей надо было только добежать до картофельного поля, а там высокая ботва. Но эта поляна ее пугала. Вера встала на коленки и, быстро перебирая руками, тронулась дальше.

– Лишь бы никто не увидел, лишь бы не увидел, – постоянно твердила она, прижимая тело все ниже и ниже.

Еще немного, и она будет спасена. Двигалась словно по минному полю, страх, холод, ужас, но надо добраться до картофельного поля.

– Прибью, – вдруг вспомнила Вера, кто виноват в том, что она ползла на корячках.

Еще несколько метров. Она приподняла голову. Никого. Вера быстро юркнула между рядами и, растянувшись на теплой земле, замерла. Сердце трепыхалось как у загнанного собакой кролика.

Вера Степановна прочитала докладную на очередное горе-секретаршу. На эту должность ставили в основном по благу, знакомый знакомых или просто чьих-то дочек. Вот только они забыли, что это все же работа, которая изначально подразумевает большой спектр знаний.

– Пригласите Светлану из отдела логистики, – сказала она

по громкой связи.

Милая девочка. Она ее видела несколько раз, грамотная и знает программы и технику, но скорость работы ужасно медленная.

– Здравствуйте. Можно? – в дверях появилась девушка, ну прям с обложки.

– Проходи. У меня к тебе вопрос, что происходит?

– Не поняла.

– Хорошо, садись за стол, вон компьютер, зайди через удельный стол на свой компьютер и покажи, как ведешь работу с почтой.

– Ага, – по-свойски сказала Светлана и, лихо сев в кресло, неестественно выгнула пальцы.

– Стоп! Это что у тебя такое? – Вера Степановна быстро подошла и посмотрела на ее ноги.

– Нельзя? – чуть стушевавшись, спросила девушка.

– Ладно, вот текст, – она тут же достала бланк, что применяла для сотрудников делопроизводства и сказала. – Время десять минут. Если успеешь все напечатать, оставляешь ногти, если нет, то два выхода: или приводишь в порядок или растянемся.

– А.. а.. мне разрешили.

– Я не разрешаю. Итак, печатаешь в два раза медленнее – и зарплата в два раза меньше. Согласна?

– Я постараюсь.

– Уж попробуй. Все, время пошло.

Вера ползла как партизан, старалась делать это как можно осторожней, чтобы даже ботва не шевелилась. Изредка поднимала голову, чтобы убедиться, что баб Клава все еще в палисаднике. Она хоть и туга на ухо, но глазастая, все увидит. Еще немного, и будет тропинка между картофельным полем, а если ей удастся незаметно подползти к забору, то еще чуток, и пойдут кусты малины. Вера не спешила, тут главное – выдержка. Она даже забыла, что злилась на брата и что ее голый зад изредка поднимался над ботвой.

Набравшись смелости, она быстро перебежала и сразу замерла. Никто не окрикнул, значит пронесло. Сердце так и стучало: тук-тук, тук-тук.

– Фух, – выдохнула Вера и, озираясь по сторонам, шмыгнула в кусты.

Осталось немного, но надо преодолеть еще одно опасное препятствие. Между домами был огород, который делил пространство надвое. Но вот со стороны улицы все было открыто, только редкий забор. Но он ее точно не прикроет.

– Блин, – тихо прошептала Вера и выглянула из-за кустов.

Какой-то мужик прошел мимо, сердце колотилось, а в животе все урчало. Вера набралась смелости, подождала, пока скроется очередной прохожий и быстро, словно наперегонки, метнулась к сараю. Тут же упала на землю и вся превратилась в слух. Тишина, никто не крикнул, не возмутился.

– Круто, – уже радостно сказала она и шустро, словно

ящерица, поползла до высоченного забора, за ним ее спасение.

Она сперва подумала остаток расстояния пройти через свой огород, но вспомнила про брата, что тот может притаиться где-то поблизости. Да и отец мог прийти на обед. Оставалось одно – перелезть через забор и в коровник. Легко сказать, но она никогда не лазила по такому высоченному забору, а сможет ли? Задрала голову вверх и с ужасом подумала, как будет карабкаться.

– А если Витька увидит, то все, пиши пропало, вся деревня будет знать.

Опять нахлынул страх и стыд за свое голое тело, она жалась как побитая собака и слабо прошипела:

– Прибыю, – она имела в виду Лешку, своего брата.

Минут пять Вера лежала, но чем дольше оттягивала время, тем тяжелее становилось. Она слышала, как проехала машина, как кто-то разговаривал на дороге. Все стихло.

– Пора, – сказала девочка и, подняв голову, покрутила ею по сторонам. – Никого, – подвела итог и тут же резко вскочила и с лёгкостью акробата через секунду очутилась по другую сторону.

Она шлепнулась на землю и, не веря тому, что сделала, быстро зашла в хлев.

– О! – радостно сказала она, увидев отцовскую рубашку. – Что надо.

Быстро продев руки, застегнула еще уцелевшие пугови-

цы. Выглядела лучше чем пугало, что стояло в огороде. Хотя, сказать честно, то пугало никого не пугало, разве что малышню, ну уж точно не птиц.

– Фух... – Вера с облегчением выдохнула и уже спокойно вышла из засады. – Где этот паршивец?

Она взяла прут, что стоял около калитки, он предназначался для коровы Машки. Та изредка пыталась прорваться к грядкам, где росли лук и морковка. Вот тогда прут и шел в дело, но Вера думала о другом.

– Где он может быть?

Чтобы не спугнуть, она прошлась по двору, заглянула в сарай, затем по лестнице поднялась на чердак, а оттуда через второе окно спустилась к бане.

Вера замерла. Лешка притаился в кустах и внимательно смотрел в сторону огорода, что уходил к реке. Он думал, что она вернется в дом именно этой короткой дорогой, но он ошибся.

Она стала медленно закипать от гнева. Ее брат как ни в чем не бывало сидел себе спокойно и ждал ее появления. Вера, набирая скорость, бросилась на своего обидчика.

– Козел! – крикнула она и со свистом опустила прут.

– А!!! – был вопль боли.

– Получи! Получи!

– А!!! – завопил Лешка и как ошпаренный забежал кругами по огороду.

Вера не остановилась, она бросилась вдогонку и, перепры-

гивая через грядки, старалась достать прутом брата. А тот, вопя, будто на него налетела стая ос, метался из стороны в сторону, не в состоянии найти калитку.

– Ты у меня еще получишь! Только попробуй кому-то рассказать. Где платье?

Но Лешка, найдя лазейку, словно пуля вылетел и скрылся в глубине огорода. Скомканное платье валялось там же, где он сидел в засаде.

– Вот паршивец.

Вера присела. На земле лежал старенький фотоаппарат Смена 8М, он хотел ее сфотографировать. Что-то внутри ее щелкнуло, сперва захотела засмеяться, но тут же вспомнила, что под рубашкой бегала без трусов. Что-то заныло в груди так протяжно, так тоскливо и нудно. Вера сжалась, обхватила колени и, забившись подальше в кусты, просто заплакала.

Она не в обиде на брата. Ну позлилась, бывает, свое он уже получил. Даже стало его жалко. Наверное, больно? Что-то зудило в груди. Она быстро расстегнула рубашку, схватила платье и стала натягивать его на себя.

И все же тогда что-то произошло. Что? Вера Степановна закрыла папку с новыми договорами, завтра разберется, устала, да и не до того.

Она долго вспоминала тот случай. Ее удивляло то состояние в душе, стыд, страх и почему-то думала о фотоаппарате. «Странно все это, странно», – говорила она сама себе. И

когда вечером все были в доме, Вера тайком вышла в коровник. Покрутив головой и прислушавшись к голосам, быстро сняла с себя одежду. И опять страх и стыд, опять это щеко-чущее в груди состояние, от которого дух захватывало.

– Ну все. На сегодня все.

Вера Степановна встала из-за стола, взяла сумочку и быстрой походкой покинула свой кабинет.

Что уставился?

Любовь рождает новую жизнь, а эротика – представление о ней.

– Что уставился? – возмутилась Света и показала мне язык. – Не видел?

Нет, она так-то ничего, даже очень, когда есть настроение, то даже добренькая, может дать почитать что-то из своих книг. А раньше, ну, когда я был чуть поменьше, лупила

Витьку и Женьку, это придурки с соседней улицы. Приходили к нам и, прогоняя мелочь с площадки, часами качались на качелях. А потом у них появилась мода ловить таких как я и вышибать мелочь. Вот тогда Светка и отлупила. Сперва Витьку, а после, для пущей важности, и Женьку. Это, правда, им не мешало охотиться за мной. Но они стали озираться и побаивались меня трогать.

– Что, опять побежишь к сестре?

– Опять плакать будешь?

– Тебе девчонкой надо быть.

Они шли рядом и выкрикивали всякие обидные слова, но трогать боялись. Тут главное, не обращать на них внимание, трудно, когда тебе такое говорят. А после я представил, что они в банке, да, именно в банке, как рыбки. Я тут, а они там внутри, и мне сразу стало так легко, и наплевать, что болтают. Вот так и жили.

– Ну, что уставился? Мам, он на меня пялится.

И чего это я на нее уставился, будто не видел раньше. Нет, не видел, не такой. После кладовки Светка стала иной. Она взяла вилку и сделала вид, что протыкает меня, словно я воздушный шарик. Такая серьезная, а ведет себя как ребенок. Почувствовал, как на моем лице появилась улыбка, она снова показала мне язык и принялась за свою еду.

Утром ко мне пришел Макс, он живет через три дома, вместе ходили в детский садик, вместе пошли в школу. Наверное, он самый лучший друг, часто оставался у него на

ночь, а он у меня. Но сегодня моросит дождь, и мы целый день проторчали в доме. Не знаю, как так получилось, но тихо запущенный мяч улетел прямо в открытый сервант и... Думаю, не стоит говорить, что произошло и что началось. Разбитая посуда посыпалась, отец грозно указал Максу рукой на дверь, а меня, как щенка схватив за ухо, заперв кладовке. «Больно же», – возмущался я и злился на отца, что он со мной как с мальчишкой, а я уже взрослый. Ну, почти взрослый.

Ухо болело. Но обидно было не за это, а за то, что отец сделал это при Максе и Светке. Я как в детстве надулся, залез на ящики и, скукожившись, стал злиться. Лишь только спустя час остыл и стал понимать, что я был не прав. Но обида осталась, так тоскливо, хотелось все исправить, но разбитую посуду не склеить. Поскребся в дверь, никто не открыл.

– Они там что, забыли про меня?

Я уже не один раз сидел в этой кладовке, раньше боялся ее, тут темно и пахнет пылью. Знал каждый ящик, что и где лежит. Минус в том, что лампочка включалась в коридоре. Вот и сидел в темноте, вспоминая, что тут. Раньше папа хотел использовать его как шкаф для одежды. Кладовка находилась на втором этаже, между Светкиной комнатой и маленькой библиотекой. Но мама отказалась, сказав, что ей хватает своих. Вот с тех пор сюда и стали сносить всякий хлам, будто сарая мало.

– Але, я тут.

И тихо постучал по дверце, но папа, наверное, на первом этаже, Светка не решиться открыть, а мама, похоже, убежала, то ли в магазин, то ли ктеть Вере.

— Ну и ладно.

В очередной раз обиделся я и постарался рассмотреть сквозь щель в двери, что происходит на воле. На улице было все так же хмуро, наверное, это меня и успокаивало, какое дело, где сидеть. В комнате или тут. Перетащив несколько тяжелых ящиков и положив на них матрац (его мы доставали, если Макс оставался у меня), я сделал что-то вроде кровати, лег и посмотрел на слабый свет, что проникал в щели. Только теперь я заметил, что щелей было много, а ведь там, со стороны библиотеки, их не видно. От нечего делать я прильнул к одной из них, но ничего интересного не увидел. Ну, противоположная стена, из второй щели вид был не лучше, только часть шкафа.

От скуки я лег и просто уснул. Сколько времени прошло, не знаю, но проснулся от сладкого запаха, который тянуло с кухни. Значит, скоро ужин, меня, наконец, выпустят. Где-то совсем рядом играла музыка. Это Светка включила свою балалайку, еще немного и начнет танцевать. Услышал, как внизу что-то упало, кто-то прошел совсем рядом. Я соскочил и быстро свернул матрац, ожидая, что дверь в чулан откроют. Но ничего не произошло, шаги затихли, кто-то спустился по лестнице. И опять обида, что про меня забыли.

Уже стемнело, и в чулане стало совсем темно, тот слабый

свет, что проникал через щели, стал меркнуть. Злясь на самого себя, я стал крутить головой по сторонам. Откуда-то шел слабый, словно от светлячка, зеленоватый свет. Повертев головой, я смог только примерно определить, откуда он идет. Из-за ящиков, что стояли на полу. Осторожно, чтобы меня не услышали, хотя почему я боялся. Это, наверное, на всякий случай. Отодвинул ящик за ящиком, свет стал ярче. Протиснув голову, увидел тоненький луч света. Он шел со стороны свободы, оттуда, где Светка спокойно сидела и слушала свою музыку.

Теперь у меня появилась цель. Я осторожно, стараясь не создавать шума, передвинул ящики. Уже через несколько минут лег на пол и, подтянувшись на локтях, прильнул к тоненькой щелочке, что была в стене. Она была еле заметной, наверное, доски рассохлись, или сучек выпал. Но щелка была такой маленькой, что мне пришлось изрядно покрутиться, чтобы, наконец, увидеть что-то через нее.

Стена с розовыми обоями. Почему девчонки любят этот ужасный цвет. По крайней мере, мне он не нравился. Мало что было видно, чуть сместишься, и все пропадало. Вот ножки стула, а вон ее тапки, а еще сумка, с которой она ходит к Вике. Музыка играла совсем рядом, я вспомнил ее комнату, справа стол, а у окна кровать. Сестра долго спорила с мамой, чтобы поставить кровать именно у окна, у каждого свои причуды. Прямо одежный шкаф, а с левой стороны тумбочка с аквариумом.

Значит, я сейчас где-то между столом и кроватью. Покрутил головой в надежде, что хоть что-то еще увижу, но стоило мне немного сместиться в сторону, как тоненький луч свободы тут же пропадал. Оставалось смотреть только на ковер, сумку, стену и ножки от табуретки. Скучно, и все же я не отрывался и продолжал смотреть.

Странно это, Светкина комната смотрелась по-иному, словно заколдованная. Я с интересом рассмотрел рисунок на сумке, увидел, что молния порвалась, а ножка стула покосилась, наверное, любит качаться. И тут что-то грохнуло совсем рядом. Я вздрогнул и резко выпрямился, словно меня застучали. Посмотрел на дверь в чулан, она была закрыта. Переведя дух, я опять прильнул к своему наблюдательному пункту. Что-то загораживало, покрутил головой, ища возможность опять видеть хоть что-то. Опять грохнуло, но в этот раз я остался на месте. Появился свет, и Светкины ноги зашлепали по полу.

– Ух, – тихо выдавил я из себя.

А что тут такого? Ну, увидел ее пятки и только, ведь ничего не видно, даже колен. Но как это круто. Почему-то перестал дышать, словно боялся, что она узнает. Светка скрылась из поля зрения, тут же появилась и опять скрылась. «Она что не может стоять на месте?», – думал я, стараясь скосить глаза в сторону.

Вот она открыла свой шкаф и что-то достала. В голове сразу замелькали глупые мысли и планы на завтра, что надо

обязательно сюда вернуться. Светкины ноги отошли в сторону ее кровати, она выпала из поля зрения. Я тяжело вздохнул и представил, что она сейчас будет делать.

Глупо, конечно же, глупо лежать на пыльном полу и пялиться в дырку. В голове одна картина сменяла другую. Я смотрел на открытый шкаф и думал, что она там сейчас делает, что притихла? Что-то зашуршало. Она опять прошла по ковру, остановилась и быстро сняла теплые носки. Тут у меня сердце как забарабанит, я аж перестал дышать.

– Вот это да, – прошептал я.

И опять, что тут такого, ну голая пятка и только, но сколько картинок промелькнуло в мыслях. А что дальше, что? Я опустил еще ниже и постарался заглянуть чуть выше, но ничего не получилось. Сердце стучало, казалось, что в этом чулане оно как часы тикало, еще немного и начнут бить куранты.

Светка, она, впрочем, красивая девчонка, как-то раньше над этим не задумывался. Вечно командовала, а когда мамы не было дома, оставалась за старшего. Это и понятно, она ведь старше меня. Я опять прильнул к дырочке. Сестра стояла и крутилась на месте, и тут я вспомнил про зеркало около двери. «Точно, она кривляется перед ним», – промелькнула мысль, и я представил ее со стороны. И опять куча картинок в голове. От забавных, с ее футболкой, где дырки больше чем мой кулак, до пикантных, если она мерит свой купальник, говорила, что пойдет с Викой на озеро.

– Кушать.

Донесся далекий голос мамы. Стараясь не издавать лишнего шума, встал на колени и быстро закрыл свой наблюдательный пункт ящиком. Я ужасно проголодался.

– Где твой брат?

Спросила мама у Светки, ответа я не услышал, но по лестнице стали подниматься тяжелые шаги. «Отец», – обреченно подумал я.

– Выходи.

Хотя в коридоре было уже темно, но мне показалось, что сейчас день, так светло.

– Извини, что так долго, – я стиснул зубы, опять вспомнил, как он тащил меня за ухо, словно я щенок. – Пойдем, поможешь убрать стекла.

И тут я вспомнил, что натворил, стало стыдно. Кивнул головой и, не говоря ни слова, побежал на кухню за совком и веником. Через пару минут, наведя порядок в серванте и вымыв руки, сел за стол.

– Что уставился? – возмутилась Света и показала мне язык. – Не видел?

Сад

Цените то, что имеете.

Я смотрела на Светку, как она тряслась от страха. Как ее губы дрожали, а пальцы нервно перебирали сорванный и уже истрепанный в зеленую кашу листок. Я никогда ее такой не видела. Всегда храбрая, драчливая, она защищала меня перед пацанами и моим отцом. Но сейчас она вся была по-

крыта страхом. Ее озноб невольно стал передаваться мне. А впрочем, что мы такого сделали? Мы часто лазили в сад и рвали сливы. Ну и что из того? Я сама несколько раз так делала без нее. Но сегодня нас поймал сторож. Отчего-то все боялись его. Несмотря на то, что он уже старик, он бегал шустро. Вот сейчас и не успели от него ускользнуть.

Светка подвывала как побитая собака, прижимала голову к груди. Было видно, что она готова провалиться сквозь землю, лишь бы не быть здесь сейчас. Сторож дед Гаврил, как все его называли, стоял напротив нас и сжигал своим взглядом. Я часто встречала его в деревне: то в магазине, то на улице, и всегда он казался мне добрым, но сейчас он был другим. Если существуют драконы, то он один из них. Он просто испепелял нас на расстоянии.

– Допрыгались, сучки, – прорычал он, щелкнув прутом по высокой траве. Скошенная трава подпрыгнула в воздухе и тут же шлепнулась у его ног.

Я вздрогнула. Светкина истерика давно заразила меня. Я почувствовала, как стали мелко трястись ноги, потом в животе свело и через грудь поднялся ком к горлу. Мои губы задрожали, а на глазах появились слезы. Он как будто только этого и ждал, еще раз хлестнул прутом по траве и крикнул нам:

– Я вас предупреждал?

Светка тут же закивала головой, я подтвердила.

– Пока я на дежурстве, чтобы никто не лазил ко мне! Го-

ворил?

Теперь мы синхронно кивали головой. Мне казалось, что если мы будем с ним во всем соглашаться, то не последует наказания и он нас отпустит. Я уже дала себе слово больше никогда не появляться в колхозном саду, и вообще не лазить по огородам. Сторож продолжал:

– Я всех предупреждал! И тебя, соплячка, – это он обращался к Светке, – тоже предупреждал, – помолчав несколько секунд, он повернулся ко мне и добавил, – а что до тебя, городская... В общем, тоже касается.

Его прут шлепал по его серым штанам, поднимая пылевые завихрения. Каждый шлепок отдавался у меня в животе. Светка выла.

– Снимайте, – приказал он и отошел на шаг назад.

Я замерла и искоса посмотрела на Светку, та продолжала трястись и шмыгать носом.

– Быстро! – крикнул он нам.

Светка не могла говорить, я набралась смелости и прошептала:

– Что? – с трудом я услышала свой голос.

– Снимайте трусы! – уточнил он, – и поворачивайтесь спиной.

Теперь и я завывала. Быстро просунула руки под подол платья и трясущимися руками, не переставая при этом выть, стянула свои трусики. Если надо, пусть сечет. Пусть! Лишь бы быстрее отсюда убежать. Думала я, косясь на подружку.

Зажав трусы в руках, я повернулась к нему спиной. Светка, увидев, что я сделала, также стала стягивать с себя трусы. У нее это получалась с трудом. Было видно, что руки ее не слушаются. Пальцы оцепенели и не сгибались. Наконец ее ноги переступили через резинку. Пальцами она сжала клочок желтых, как цвет цыпленка, трусы.

Она так же, как и я, повернулась к деду Гаврилу спиной. Тяжело вздохнула. Набрала побольше воздуха в легкие и, поборов страх, подняла платье выше поясницы. Несмотря на то, что на улице было очень жарко, я ощутила, как прохладный воздух коснулся меня. Кожа мгновенно покрылась мурашками, я вздрогнула, тело стало мелко дрожать. Грудь заболела, внутри живота все сжалось. Закусив губы, я стала ждать неизбежного.

Он хлестнул несильно. Мгновенно попка сжалась. Потом еще и еще несколько раз он хлестнул меня по голому заду. Не было больно, было стыдно, что он смотрит на меня. Через мгновение, ощутила, как кожа, где ударил прут, загорелась. Плача, я захныкала от боли. Дед отдернул мои руки, что крепко держали платье, оно тут же опустилось. Показалось, что боль сразу прошла. Я стояла, так как не могла ничего поделать. Просто плакала. Боялась даже вытереть слезы. Мне было не столько больно, как стыдно.

Потом завопила Светка. Несколько раз прут просвистел буквально у самого уха. Светка уже не кричала, а только рычала. Он нас, наверное, всего-то раз пять хлестнул, но нам

показалось, что эта экзекуция длилась целую вечность. Светка стояла с задранным платьем, она не решалась опустить его. Дед Гаврил, пошаркивая ногами, куда-то удалился.

Повернувшись и посмотрев по сторонам, я убедилась, что его нет. Не знала, что делать. Убегать или еще нет, ведь он нас не отпускал. Посмотрев на свои красные ягодицы, я натянула трусы обратно. Переглянувшись и улыбнувшись друг другу, мы поняли, что отделались еще легко. Кожа продолжала жечь, но уже не так сильно. Жар, что обжигал место наказания, теперь сменился холодом, а после зудом. Светка вытерла заплаканные глаза, поправила платье и посмотрела на меня. Ее глаза просили извинения за то, что случилось. Но я не обижалась на нее, все уже прошло. На душе стало легко. Почему-то мне опять захотелось нарвать сливы, и бежать и бежать, на сколько хватило бы сил.

Мы улыбнулись друг другу, вытерли носы. Потерли наши высеченные зады и уже хотели уйти, как услышали из-за деревьев крик деда Гаврила.

– А ну! Поть сюда! Да живей! – он кричал не так злобно, как еще минуту назад.

Мы переглянулись и нехотя поплелись на его голос. В сердце опять заныло, мурашки выступили на коже. Выйдя из-за деревьев, мы увидели маленький домик. Дед сидел на перевернутом ящике и махал нам рукой. В его жесте было что-то знакомое, даже доброе. Так махала мне мама, когда провожала в школу. Я сразу перестала бояться его, по-

шла легко, почти вприпрыжку. Светка еще охала, почесывала свою попку, но уже гордо шла за мной. Похоже, она начала гордиться наказанием. Мол, мы теперь породнились, испытали такое, что нас вовек не разлей вода. Впрочем, мы и так с ней были что ни на есть настоящие подружки.

Дед Гаврил сидел перед столиком. Он указал рукой на скамейку. Я осторожно присела, все же побаливало одно место. Светка плюхнулась, но тут же вскочила, потирая свой зад. Сразу стало весело.

– Не сердитесь, так положено, – спокойно сказал дед Гаврил и достал из домика банку с молоком и хлебом.

Мы поудобнее устроились за столиком и с радостью стали уплетать все, что он нам предложил. Уже через пять минут мы забыли про розги, про то, как, заикаясь, дрожали, про мой голый зад и ноющую кожу. Я забыла про все.

И все же, как это здорово вот так тайком пробраться в сад. Оглядываясь по сторонам, сорвать с десятков слив. Давясь, запихивать их в рот. Чавкая, глотать. А они сладкие, и по рукам бежит их сок. Как будто играешь в игру «старики-разбойники». Кто кого. Или ты украдешь, или попадешься. А вообще он добрый, и мед у него сладкий, и хлеб ароматный. Светка перестала хныкать.

Так что думаю, что мы сюда еще не раз залезем.

Фотография

– Ну как ты мог, как мог так поступить? Чего тебе не хва-

тало? Чего? Я ведь тебя люблю, а ты меня бросил. Почему? Почему?

Девочка металась по комнате, ее заплаканные глаза косились в сторону, туда, где был он. Ответа на ее вопросы не последовало, она не выдержала и со всего маху упала на диван. Пение птиц прервалось и по комнате разлетелись ее рыдающие всхлипы. Плечи девочки судорожно дергались, она прижимала к лицу подушку, что вышила ей мама и плакала, плакала навзрыд.

Как это тяжело, когда любишь другого, вроде ты летаешь в облаках, прыгаешь, твое тело невесомо, но вот гиря... Откуда она взялась? И в следующее мгновение ты обреченно падаешь на землю. И реальность возвращается к тебе. Так больно, так больно в душе. Ты не обращаешь внимание на сломанные руки и вывихнутую лодыжку, это только физическая боль, а в душе все намного тяжелее.

– Как ты мог? – не отрывая лица от уже мокрой подушки, прохрипела девочка.

Сегодня суббота, она не в школе, да и какие тут уроки, не до них. Она его помнит еще с осени, увидела у Светки и все, как будто по голове чем-то шандорахнули. Такой малый, кудрявый, рыженький, а глазки как у бычка. Светка его ругала, говорила, что он козавка и балабол, и она забрала его у нее, все равно пропадет.

Оле нравилось быть с ним. Несмотря на свою улыбку, кажется, еще секунду, и он откроет свой рот и начнет без умол-

ку трещать, но он всегда молчал. И поэтому она могла спокойно с ним говорить, а он только слушал и улыбался. Как приятно, когда тебя умеют слушать, вот Вовка вечно лезет с умными словами. А Димка тот еще перец, все время рассказывает анекдоты, нет, они смешные, но кроме них ведь должно быть еще что-то.

Ах, вздохнула Оля. Она уже не так рыдала, но подушку не убрала, не хотела смотреть на него, больно. Вспомнила, как еще неделю назад вместе смотрели на распускающиеся почки. Мама принесла несколько веточек тополя, на улице срезали деревья, вот и взяла несколько штук домой. Такой тонкий смоляной запах, сразу напомнил весну, еще месяц – и снег растает.

Светка приставала, спрашивала как он, а Оля хранила молчание, боялась сглазить, вдруг не получится. Парни смеялись, они вечно над ней смеются, но это ее секрет, и они даже не знают про ее любовь.

Ах, опять вздыхала Оля и уже решила поднять лицо над подушкой. Заплаканные и покрасневшие глаза чуть опухли и выглядели комично. Она швыркнула носом, села, зыркнула на него, но тут же отвернулась.

– Я не прощу тебе этого. Не прощу, никогда.

Подальше забилась в уголок дивана и тупо уставилась на синюю точку, что еще лет шесть назад нарисовала на полу. Тогда она со своим старшим братом Мишкой играла в драконов, а тут была ее база. Они могли часами сидеть, строить

из кубиков, стульев и книг свои замки, их вечно не хватало. А потом приходил папа и просил все прибрать. Но как же? Ведь все только еще начинается.

Вчера Светка ехидничала, намекая, что мой уже как месяц встречается с другой. Я знала это, но как-то не придавала большого значения. Все равно она некрасивая, палка, черная, нос длинный, как у тетя Веры из соседнего подъезда. Знала, что он ее бросит и вернется к ней. А еще у той девицы голос писклявый, бе...

Седьмой класс. Ах... Вздыхала Оля, еще так долго, целых четыре года. Она смотрела на стопку учебников, что достала из ранца, надо делать уроки. Но это было вчера, а сегодня узнала, что он ее бросил.

– Да как ты мог? – опять с горечью закричала она и, повернувшись к нему, как львица посмотрела в его довольные глаза. – Тебе не стыдно? Я верила тебе, верила.

Она не удержалась и запустила в его сторону книгу, за ней полетела подушка и пенал. Казалось, еще немного, и в комнате сверкнет молния и раздастся гром. Оля не могла успокоиться, опять обида, опять злоба, опять эти воспоминания. Лучше бы их не было, лучше бы она его не увидела у Светки.

Женщина осторожно подошла к двери дочери, прислушалась. За тонкой фанерой слышалась возня и какая-то борьба.

– Ругается? – спокойно спросил ее муж и, шлепнув жену по попке, пошел дальше.

– Эй! – возмутилась она. – Что с ней? – на всякий случай

понизив голос, спросила у Виктора.

– Ругается.

– Это я и так поняла, – и пошла за ним. – А с кем? Что случилось?

– Ай... Любовь-морковь, что тут непонятного. – Он отмахнулся от вопроса, как будто не представляет интереса. – Покричит и перестанет. Не первый раз.

– А...

Он опять шлепнул жену по попке, та удивленно посмотрела на него, стараясь понять, что это он такое сделал, а после играючи ударила его в грудь.

– Мам, она не пускает меня в комнату, – возмущенно зашел на кухню Мишка. – Кричит и еще дерется, я сейчас ей... – И уже было ринулся по коридору к двери Оли, но отец мгновенно перехватил его.

– Пойдем завтракать, успеешь планшет взять, ты и так вчера с ним...

– Она его забрала, – возмутился юноша и опять покосился в сторону коридора, откуда доносилась возня.

– Ничего страшного, я чуть позже зайду.

– Она тебя не пустит, закрылась...

– Ладно, разберемся, а сейчас завтракать и не забыл, к двенадцати к бабушке?

– Помню, а она? – Он имел в виду свою сестру.

Оля то успокаивалась, то, увидев его улыбку, опять начинала плакать. Если бы он не улыбался, если бы отвернулся

или хотя бы опустил взгляд, она может его и простила, но улыбка.

– Я не прощу тебе этого никогда. Ты это понимаешь? Ты для меня все, ноль на палочке. Забуду про тебя. Тебе хуже. Будешь знать. Я к нему, а он...

Она уже не так металась по комнате, перестала бросать в его сторону все то, что попадалось под руку. Уже могла спокойнее дышать и даже несколько раз посмотрела на телефон, кто-то слал ей SMS. Не буду отвечать, думала она, зная, что это Светка.

– А ведь я тебя любила, – уж как-то обреченно ответила девочка, села на пол, подогнула ноги и зыркнула в его сторону. А он все молчал и продолжал улыбаться.

– Ну вот что мне с тобой делать? Что?

Она рассуждала как взрослая женщина. Читала книги про любовь, ах, как там все здорово, а в жизни все намного хуже. Больно. Зачем это человеку, нет, чтобы взять и забыть, пусть топает своей дорогой, но нет же. Что-то цепляет, обида зреет, а потом рвется нить и все, горечь выплёскивается наружу. Оля знала, что после того, как проплачешься все становится фиолетово, будто ничего и не было. Но она еще не проплакалась, и опять слезы выступили и покатались по щеке. Швыряя носом, она поплелась к своей спасательной подушке, прижалась к ней и снова зарыдала.

Снег на улице уже посерел и стал оседать, появилась влажность, и плечи невольно вздрагивают от прохладного ветра.

Светка спешила, она знала, что ее подружка залетела и ей нужна ее помощь. Не обращая внимание на возмущенные возгласы какой-то мамыши, она перебежала дорогу и быстро юркнула во двор.

Уже через пять минут она сидела около Ольги и готова была сама заплакать, чтобы поддержать подружку.

– А ты знаешь, мой, кажется, тоже стал коситься на сторону.

Оля выпрямилась и удивленно посмотрела на нее.

– Как?

– Ага, вчера видела по телеку, как он ей ручку чмокнул. Беее... Какая гадость.

– Кому?

– Помнишь, там есть у них крыса с фиолетовыми патлами, а я-то думала она своя. Попадись она мне, я ей... – И тут Света не выдержала, на ее глазах заблестели слезинки. – Я ей... – Первая струйка скатилась, затем другая, и вот уже как Оля зарыдала.

Они сидели вместе, обняв друг друга и как две дуры просто захлеб рыдали.

Прошёл почти час, прежде чем их носы высохли, опухшие глаза отошли, и они уже смогли чуть улыбаться.

– Я решила его бросить, – уверенно сказала Оля.

– И я тоже брошу своего, все равно убежит, зачем ждать.

– Точно? – немного неуверенная в обещании своей подружки, спросила Оля.

– Точно. Сегодня же.

– Давай тогда вместе.

– Давай, – тут же согласилась Света и убежала к своему ранцу.

Через минуту они сидели вместе, прижавшись как можно ближе, и смотрели на своих изменников, а те продолжали нагло улыбаться.

– Готова? – спросила Оля у Светы.

– Да! – уверенно ответила она и резко рванула руку.

По комнате раздался шипящий звук рвущейся бумаги. За ним последовал радостный выдох и сразу же комнату заполнил смех. Девочки сидели и радостно рвали фотографии своих телевизионных кумиров. Они смеялись, бросая в воздух конфетти из своих мальчиков, а те кружились и разлетались в разные стороны, будто и правда настал Новый год и их желания были исполнены.

– Завтракать. – В комнату вошел папа и с ужасом уставился на тот бардак, что творился в комнате.

– Я уберу, – не дожидаясь возмущения отца, тут же сказала Оля, и они с подружкой, быстро вскочив на ноги, стали прибирать тот бедлам, что окружал их.

Любовь, она всегда нас окружает. Любовь – это цветок, он распускается, цветет, но наступает момент, лепестки опадают и семена разлетаются в разные стороны. Но проходит время, и цветок опять выпускает свой стебелек и опять зреет бутон любви. Лишь бы его никто раньше не сорвал и не во-

ткнул в стакан с водой. Любовь – это свобода. Она не может расти в горшке или стоять в вазе. Если любовь по принуждению, то она никогда не даст всходов, цветок повянет и его рано или поздно выбросят.

Девочки, довольные собой, все прибрали и радостно, но еще шмыгая носами, побежали на кухню.

Колпачок

– Максик, не обижайся. Ну прости меня, – подходя к своему младшему брату, сказала Юля. – Я не хотела, так получилось.

Она часто себя ругала за то, что могла сорваться из-за пустяка, вот и сейчас. Юля попросила у него фломастер, что уже как год лежал у него на полке. Он остался с переезда, такой толстый и важный, словно командир. Папа им подписывал коробки, но Юле нравился не он сам, а его колпачок. Она присматривалась к нему, трогала его идеально гладкую поверхность, ни одной зацепинки. Нет острых углов, все плавно, словно это какой-то застывший кальмар.

– Я возьму его? – сказала она и тут же протянула руку.

– Нет! – почти крикнул Максим, соскочил и вырвал его у нее из рук.

– Ну, он же тебе не нужен.

– Не дам, – коротко ответил он и спрятал в коробку.

– Отдай! – приказала она ему, ведь знала, что он ему точно не нужен, просто лежит.

– Нет!

Вот тогда она и сорвалась, дала ему подзатыльник и еще пнула, отчего он упал на пол. Вот зачем она так поступила, Юля уже через секунду пожалела. Но что делать? Она ушла

в свою комнату, достала подаренную Светкой шоколадкой, и тяжело вздохнув, вернулась к брату.

– Извини, – Юля считала, коли виновата, то надо всегда просить прощения. – На, это тебе от меня.

– Не надо, – пробурчал мальчик.

– Ну не обижайся, давай махнемся, я тебе ее, – она протянула свою драгоценную шоколадку, еще раз тяжело вздохнула. – А ты мне фломастер.

Мальчик явно понял выгоду, тут же схватил плитку, пока сестра не передумала, и вручил ее фломастер.

– Спасибочки, – обрадовалась она, что сделка завершена.

Заскочив в комнату, сразу закрыла двери и, посмотрев на этот странный предмет, зажала в кулаке колпачок.

– Ох... – протяжно выдохнула девочка и шлепнулась на диван.

Он такой твердый, такой гладкий, такой плавный и теплый в ее руках. Юля разжала пальцы и внимательно рассмотрела на ярко-оранжевый фломастер. Обычно фломастеры как карандаши, небольшие, а этот пузатый. В детстве папа привез из командировки два простых карандаша, это были целые палки, он их почти час затачивал. Как она им гордилась, ни у кого такого большого карандаша не было, а у нее был. А теперь у нее есть он. Юля преподнесла поближе колпачок и, высунув язычок, прикоснулась им к пластику. На лице сперва возникла гримаса, словно попробовала редьку, а после улыбка и глазки засияли. Она еще несколько раз лиз-

нула его, будто это леденец.

– А ты ничего, – тихо, чтобы брат не услышал за стенкой, сказала девочка и прижала его к груди.

В дверь постучали.

– Ну что еще? – недовольная тем, что ее отвлекли, спросила Юля.

– К тебе Пашка, – коротко ответил Максим.

– Ой.

Девочка соскочила с дивана, закружилась на месте, не зная, что делать. Она обещала Павлу, что пойдет с ним на набережную Туры, говорят, там красиво, все отремонтировали.

– А, сейчас, – крикнула она и стала быстро переодеваться.

Через час они уже вместе шли по гранитной мостовой, что начиналась от музея и тянулась до ДК «Нефтяник». «Мост Влюбленных», почему его так называли? Юла молчала и смотрела на подвесное сооружение, что соединяло два берега. Раньше тут стоял деревянный мост, говорят, он разрушился. А вот теперь тут ходят влюбленные и она не исключение.

Пашка, немного лохматый, неопрятный, но он милый. Она слушала его рассказы про то, как он с Олегом запустили в квартире двигательот модельного самолета.

– Вот был рев, – повысив голос, словно мотор ревел совсем рядом. – Грохот стоял... Что?...

– Не кричи, я слышу тебя.

– А... – поняв, что перестарался, понизил он голос.

Юля смотрела на него и смеялась в душе. Он такой один на белом свете. Но почему? Она не могла себе ответить, да и не хотела даже искать ответов. Пальчики сжали в кармане колпачок, и на душе сразу стало так весело, словно прикоснулась к чему-то такому...

Она прекрасно понимала, на что он был похож, просто раньше он был простым фломастером. Но после того как стала изредка целоваться с Пашкой... «Ах...», – всегда говорила она себе, когда вспоминала его губы. «Ах...», – повторяла Юля, желая прижаться к нему, но почему-то боялась сделать это первой, а он то ли трусил, то ли уж слишком был скромным. «Вот блин», – ругала себя, сжимая одной рукой его ладонь, а другой колпачок. Он был похож... ну, в общем на него, что тут говорить. Хотя еще ни разу не видела вживую, только на картинках. Но как приятно представить, что он у тебя в руках, что хочешь, то и делаешь. Можешь погладить, лизнуть, даже поцеловать, а если уж так хочется, то и зубами чуть прижать. «Ах...», – в животе аж свело, она тяжело вздохнула и чуть сильнее сжала его пальцы.

– Хочешь мороженого?

– Хочу, – тут же ответила она.

Язычок облизывал шоколадную глазурь, она шурилась и косилась на него. А он опять рассказывал про то, как с братом делали плот, но он не выдержал их, и они упали в воду, а ведь была еще осень.

Вечером, когда погас свет, и Юля уже укрылась, ее рука

потянулась к нему. Она хотела еще раз прикоснуться к нему, воспоминания сразу заиграли. Девочка вспомнила, как, поднявшись на площадку, она сжала как можно крепче колпачок и загадала глупое желание. И оно тут же исполнилось. Пашка, как настоящий мужчина, обнял ее. Она перестала дышать, захлопала глазами, а после он поцеловал ее. Пальчики разжали колпачок, она потянулась и, проведя руками по его растрепанным волосам, ответила тем же.

– И почему мама этого не понимает.

Тихо сказала она сама себе. Постаравшись вспомнить, когда она целовалась с отцом. Но это было только в детстве, когда сама ходила в садик, а после все, они окончательно встали взрослыми.

– Это ведь так здорово.

Прошептала Юля и, взяв колпачок, преподнесла его к губам. Да, это не его губы, это всего лишь пластик, но теперь она нежно касалась губами и вспоминала своего Павла.

Каково это, быть с ним? Нет, не на улице и не в подъезде. А вот тут на диване. Чтобы он ее гладил, а она, подставляя свое тело для его рук, прогибалась и мурлыкала. Юля тяжело вздыхала, она не могла представить, но пальцы скользили по своему телу. Она вздрагивала, улыбалась и посылала воздушные поцелуи. «А что потом?», – спросила себя, и пальчики прикоснулись к трусикам. Она знала, что будет дальше, но боялась об этом думать.

– Нет, не сейчас, – еле слышно шептала под одеялом, а

пальчики продолжали бегать по ее телу.

Пашка заболел, он не пришел, а когда она зашла к нему домой, то его мама даже не дала на него взглянуть, сказала, что инфекция.

– Так грустно, – чуть ли не плача, обнимая колени, простонала она и, закрыв глаза, вспомнила набережную, мороженое и его руку. – Ну, что лежишь? – спросила Юля у колпачка.

Он как-то одиноко лежал на столе, будто всеми забытый, покинутый. Словно почувствовав его тоску, девочка соскочила, схватила его и тут же поцеловала.

– Не грусти, я рядом, я тут.

Ее губки, прикасаясь к нему, нежно целовали кусочек пластика. Она облизнула его и, чуть приоткрыв ротик, зажала его.

– Ой... – выдохнула Юля и прижала ладонь к животу.

Через неделю Пашка как ни в чем не бывало уже бегал. Они опять шлялись по городу, ели мороженое. Кое-что доставалось и Максиму, но он только морщился, строил рожицы и шептал, что она втюрилась. «Я знаю», – думала она и убегала со своим принцем в парк, а там опять, как только стемнеет, они целовались.

Юля всегда загадывала желание, сжимала пальцами свой талисман и всегда они исполнялись. «Вот почему так?», – задавала она себе вопрос. Нет, конечно же, если бы она загадала новую книгу или юбку, это бы не сбылось. Ведь на все

есть свой талисман, так, по крайней мере, она считала.

– Где же, где?

Она металась по комнате, выискивая свой яркий, словно фонарик, фломастер. Но он куда-то запропастился.

– Ты его взял? – она хотела, для наглядности своих слов, опять дать подзатыльник брату, но сдержалась.

– Нужен он мне, – с опаской ответил Макс и чуть прижал голову, ожидая нападения.

Она опять ворвалась в комнату и, переворачивая все вверх дном, спрашивала себя:

– Ну где же ты?

Ее колпачок испарился, исчез, словно его и не было. Юля шлепнулась на диван и расстроено посмотрела на пустой стол.

– Что делать? Что? – стук в дверь прервал ее отчаянные мысли. – Что?

– Он пришел.

– Кто?

– Твой бойфренд.

Как она ненавидела это словно. Оно как клеймо для породистого бычка.

– Что делать?

Юля соскочила и закрутилась, словно волчок, на месте. Как она теперь без своего талисмана. Как?

– Привет, – послышался его голос в двери.

– А... А, привет, – взволнованным голосом ответила она.

– Ты забыла у меня.

Он тут же протянул ей кулек. Юля взяла и заглянула в него. В груди все вспыхнуло. Она отбросила его в сторону и уже через секунду, не успев загадать своего желания, подбежала к нему и, обняв Павла, тут же сама поцеловала его.

– Бе... – донесся из коридора голос ее брата.

Но Юля не обратила на него внимание. Она просто целовала своего принца, а он, вытянув руку и прикрыв за спиной дверь, ответил тем же.

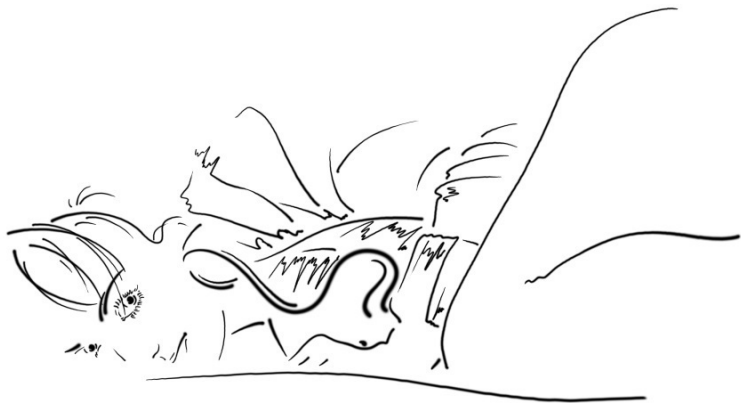
Девочка не забыла про свой талисман. И вечером, когда погас свет, она взяла его в руки, нежно погладила.

– Ты мой мальчик, – прошептала ему и кончиком языка коснулась его.

Юля поцеловала его. Она играла с ним как позволяла ее фантазия. То тихо ойкая, словно прикоснулась к живой плоти, то замирала, боясь проникновения, то снова постанывая и прогибаясь в спине, представляла каково это...

Она уснула счастливой, зажав в ладони свой талисман, что исполнил ее первые тайные желания.

Сон

Сон был какой-то странный. Я открыла глаза и нерешительно посмотрела на будильник, еще 6:30. Так рано! Удивилась и тут же прикрыла веки. Что-то там было, что? В голове загудело. Будто ища выход, какая-то мысль заметалась и тут же растаяла. «Ой», – с сожалением сказала я и постаралась вспомнить свой сон. Руки, губы. Ах, почему-то прошептала про себя. Что это было? Опять открыла глаза, прищурилась,

еще темно.

Сон какой-то странный, вот вроде бы тут, и уже нет. Сталася вспомнить, ну хоть что-то. Руки, руки, они такие теплые. Почему? Не то туман, не то дымка от костра, когда осенью жгут листву. Опять ночные воспоминания, вот они. Я напряглась, губы, и этот яркий теплый луч солнца. Что это? Зачем я себя спрашивала? Надо найти ответ, а что было дальше?

Опять закрыла глаза и сразу увидела листву, деревья и желтую бабочку, что пыталась сесть мне на коленку. Губы улыбнулись, чуть прищурилась от удовольствия и руки скользнули под одеяло. Тепло, так тепло, будто лежу в поле, там, где летом с Верой искали белые камушки, похожие на кристаллы.

Я вспомнила, что во сне чувствовала что-то очень необычное, этого еще не было со мной, но что? Что это было? Ой, тихо прошептала себе, и ладонь легла на живот. Что это? Опять губы, чьи они? Такие мягкие, такие нежные. Рука скользнула вверх, коснулась шеи и сразу подушечки пробежались по губам. Я вздрогнула и тут же улыбнулась. Приятно, так нежно, так спокойно и так... А что так? Опять это странное ощущение из моего сна.

Что там было дальше? Что? Но сон так быстро таял, что я уже не успевала ничего рассмотреть. Руки растворились. Подул слабый ветерок и образ ночного соблазна стал пропадать. «Ой», – с сожалением прошептала я, но сделать уже

ничего не могла. Сон распадался, он уходил от меня. Еще мгновение и все... Все... Ничего не осталось. Я пробовала вспомнить, что дальше, но... Совсем ничего, будто и не было, но... Я помню его, там что-то было такое, такое... «Ах», —опять прошептала я, пальчики, соскользнув с губ, пробежали по шее.

Открыла глаза, 6:31, уже? Возмутилась я, мне не хотелось вставать, не хотелось покидать свою кровать и свои воспоминания. Но о чем они? Я уже не знала, но помнила то состояние, что испытала. Как его описать? Я задумалась и, тут же закрыв глаза, постаралась вспомнить. Руки опять скользнули под одеяло, стало так уютно и так тепло. Я прогнулась, будто потягиваюсь и тут же сжалась, обхватив руками колени.

Ах, как это чудно. Пальчики играли, они пытались залезть под бесформенную футболку, что вчера утащила у папы, все равно он ее не носит, дырявая. В глазах плавал розовый туман, он убаюкивал, пел мне какие-то песни, но я не понимала их. «Ой», — прошептала про себя, когда пальчик коснулся груди. Да, точно, именно это я помню, это было во сне.

Я заулыбалась, опять потянулась, ладони легли на грудь и пошли вверх. М... Как это приятно. Как странно, почему? Этого никогда не было. Я опять провела ладонями по еле выступающей груди, и опять это странное, теплое, чуть щекочущее состояние. Пальчики пробежались от живота вниз и тут же обратно вверх. Казалось, что за ними бегают искор-

ки, что покалывают меня. Чуть вздрогнула и опять пальчики. Ай, как это удивительно, я раньше этого не чувствовала.

Отчего-то сердце гулко стукнуло, будто барабан. Я резко открыла глаза, моргнула, но реальность мне не понравилась и опять закрыла их. Розовый туман кружился вокруг меня. Он касался моих ног, шеи, плеч. Я крутилась на месте, будто висела в воздухе, хотелось, чтобы он коснулся спины. В ногах зашекотало, дернула ими, будто сбрасываю покрывало. Опять улыбка. Что со мной?

Я вспомнила эту ласку, что окружала меня во сне. Но почему? Пальчики бегали по телу, будто что-то искали. Тепло, еще теплее, ой, холодно, и они тут же возвращались обратно. Что-то знакомое, оно вот тут совсем рядом. Рука легла на живот. Я тяжело дышала, почувствовала биение сердца, замерла и вот опять. Рука ушла вверх.

Мне казалось, что я стою над обрывом, теплый воздух дует мне в лицо, и чьи-то ладони, плотно прижимаясь ко мне, поднимаются вверх. Я вздрогнула, еще плотнее закуталась в одеяло. Теперь меня никто не видит, и пальчики тихо устремились вверх. Ох... Слабый выдох в тот самый момент, когда они коснулись ягодки, что еще не созрела.

Что это было? Как-то все странно, но так тепло и спокойно. В груди что-то затрепыхалось, будто бабочка, что я поймала и закрыла ладонями. Ой... Опять дернулась. Палец снова коснулся соска, и эта сладкая истома прошла по спине, заставляя вытянуть ноги. Ах... Тихо шепчу сама себе и

снова касаюсь то одной, то другой ягодки. Не то щекотка, не то слабый зуд. Прижала ладонь, не дышу, чувствую, как сердце бьется, совсем рядом, оно вот тут. От удивления открываю глаза и стараюсь понять, что происходит.

Сон давно уже растворился, я даже не знаю, про что он был, но эти ощущения, они точно из ночных видений. Зарываюсь с головой под одеяло, тяжело дышу, жарко, но именно этого я и хочу. Пальчики играют, кажется, они, знают, что делать. В груди покалывает, искорки как от костра разлетаются по всему телу. Я дрожу не то от холода, не то от палящего жара, что где-то там внутри меня начал полыхать.

Пальцы как угри скользят вниз и уходят куда-то меду ног. Замираю, чего-то жду, боюсь выдохнуть. Оно тут, чуть касаюсь пальчиком и сразу слабый укольчик. Вздрагиваю, но руку не убираю. Снова касаюсь и опять укол. Тяжелый и протяжный выдох. «Ах...» – Произношу я, и становится совсем жарко. Пальчик бежит дальше, искорки следуют за ним, вздрагиваю и, тут же улыбнувшись, открываю рот.

Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. Отбрасываю одеяло. Сон, это было там. Рука резко опускается, и ладонь скользит от провалившегося живота вниз и тут... Мягкие волосы, пальчик вытягивается и касается гребешка. «Ой...» – Шепчу сама себе и как можно сильнее жмурю глаза. Пальчик дергается. «Ой...» – Повторяю опять и снова эти воспоминания из сна.

Очень необычное ощущение, будто откинула штору, и те-

бя коснулся летний луч света. Тепло, очень тепло. Нет, даже горячо, ужасно горячо. Обжигает. Горит. Больно. «Ой...» – Почти вскрикиваю. «Больно, больно...» – Шепчу и все сильнее прижимаю пальчик к пылающему гребешку.

Сон давно уже ушел, все растаяло, будто и не было. На часах 6:58. Рука тянется к будильнику, чтобы отключить его, но на полпути замирает и безвольно падает на одеяло. Почему-то мне ужасно хорошо. Это странное состояние. Что это было? Пробую вспомнить, но мысли обессилили и, также как и рука, не хотят шевелиться. Ну и ладно, говорю себе и, еще раз закрыв глаза на минутку, ухожу в прошлое.

Трель, это будильник, теперь он будет чирикать до тех пор, пока не встану и не отключу его. Я вернулась в реальность, в свой мир, а так не хотелось вылезать из-под одеяла.

– Бася, – шепчу и тяну руку, чтобы погладить своего рыжего котика.

Его мы с папой перед Новым годом забрали из «Айболи-та». Туда всего обмороженного его принесла какая-то женщина, нашла на улице. Кончики ушей почернели, бока до мяса все облезли, но он еще находил в себе силы мурлыкать. Мы забрали его, думали, не выживет, но вот теперь Бася, осторожно ступая своими лапками, шел ко мне.

– Басечка, – тяну его к себе и целую в нос.

От его усов щекотно, морщусь, прижимаю к себе, а он, недовольно упираясь лапами мне прямо в нос, пытается вырваться. Пора вставать. Отбрасываю одеяло. Ах... Опять эти

воспоминания сна.

– А что это было? – спрашиваю у кота, но тот прыгнул и, мяукая, уже бежит на кухню. – Обжорка, – говорю ему вслед и, надев тапочки, плетусь за ним, все равно не отстанет, пока не покормлю.

Что это было? Спрашивала себя целый день, смотря в окно и наблюдая за тем, как падает снег.

Цветные голоса

1

Она коснулась пальчиком шапочки агератума, так называла цветок ее мама. Девочка уже раза три заходила в палисадник, присаживалась и нюхала этот сладкий воздух. Воздух всегда чем-то пахнет, даже зимой он имеет свой уникальный морозный запах. А теперь летом ее голова была наполнена особыми образами.

– Ты здесь?

Девочка повернулась в сторону и посмотрела в темноту. Хруст палочки, еле уловимое шуршание и его дыхание.

– Да. А ты откуда знаешь? – поинтересовался он и, встав, подошел поближе.

– Иди сюда, я тебя не укушу.

– Да я, впрочем, и не боюсь, чего мне бояться?

– Тебе они нравятся? – она провела ладонью по шапочкам цветов, а после преподнесла пальцы и понюхала их. – Правда, вкусно пахнут?

– Ну, пахнут, – сказал юноша и тоже прикоснулся к цветку, а после понюхал пальцы.

– Ты неправильно нюхаешь.

– А как? – и тут же втянул носом воздух.

– Прямо как пылесос. Закрой глаза, ну же, – юноша так сделал. – А теперь очень осторожно понюхай, только чуть-чуть.

Девочка ждала. Мальчик постарался сделать, как она просила, но тут же стал задыхаться от нехватки воздуха.

– Фух, – выдохнул он и запыхтел.

– Ну как?

– Щас, – отдышавшись, он снова закрыл глаза и вдохнул носом.

– Чувствуешь, как сразу изменился запах? Сперва сладкий, он самый сильный, а после тонкий, словно желтый луч, и только в конце голубой запах. Ты его чувствуешь?

– Голубой?

– Ну да, голубой, – на этих словах она засмеялась.

– Не думал, что запах может быть голубым или желтым. И вообще, разве у него есть цвет?

– Для тебя нет, а для меня да. Кстати, меня зовут Света, а ты, я так понимаю, Игорь.

– Откуда...

– Знаю? Тебя мама послала в магазин и крикнула, чтобы одна нога тут, а другая там. Но в магазин ты еще, похоже, не ходил.

– Откуда...

– Знаю? Тебя послали за хлебом, а тут нет запаха булочек. И что же ты все это время тут сидел?

– Ты чудная какая-то, – сказал мальчик и, прикрыв глаза,

постарался еще раз понюхать. – Цветы как цветы.

– Это потому, что ты их видишь, я нет.

– Жаль.

Игорь знал, что Светлана, девочка, которая приехала к бабе Клаве, слепая. Он много раз заглядывал во двор, видел ее у кровника или в палисаднике. А сегодня не удержался и залез посмотреть, как она ходит, ведь обычно у слепых палочка и они в очках, а у нее ни того ни другого не было. И голову поворачивает, будто знает, где он. И глаза, словно видит его.

– Да, жаль, но я привыкла.

Светлана вспомнила, как скатилась с горки на велосипеде, как испугалась, хотела затормозить, но упала. Было больно, ей даже сделали повязку на ногу. Болела сильно голова и все двоилось, но сказали, что пройдет. А проснувшись утром, обнаружила, что все в тумане, мама положила ее отдохнуть, а сама убежала на работу. Света проснулась и не узнала мир, он был черным. Слышала голоса во дворе, чувствовала, как солнце припекает, но ничего не видела. Врач сказал, что это глаукома, повреждение зрительного нерва от внутриглазного давления. Что это такое, Света не знала, плакала, боялась сделать даже шаг.

– Помнишь, мы с тобой учились играть в шашки? – спросил ее папа.

– Да.

– А теперь мы с тобой расчертим всю комнату на большие

клетки, один шаг, и клетка кончается. А теперь встань, два шага вперед и шаг влево. Вот и стул. Ей эта игра понравилась, к концу дня она уже знала, сколько шагов надо сделать, чтобы дойти до коридора. Повернуться, вот и стол, а если три шага назад и вправо, то спальня.

Для Светланы это был новый мир без света. Думала, что поболееет и пройдет, но свет так и не возвращался. А после она стала нюхать и слушать, и вдруг мир расцвел.

– Слушай, а твой голос похож на лягушку.

– Я квакаю! – возмутился Игорь.

– Нет, он у тебя влажный и зеленый.

– Зеленый голос?

– Да, вот у твоей мамы он фиолетовый, а твой отец, когда говорит, я вижу пурпурный, а вчера он был бордовый. Что случилось?

– На работе у сеялки цепь полетела.

– Ах вот оно что.

– А у твоей бабушки какой голос? Ты и правда голос видишь в цвете?

– Да, мне так интересней, раньше слушала, после заметила, что у каждого свой цвет. Это, наверное, смешно, может воспоминания, ведь я не всегда была слепой, может это фантомы моей памяти.

– Чего?

– Фантомы. Ну, понимаешь? – он невольно кивнул голо-

вой, не хотел показаться неучем. – Вот у папы волосы русые, и его голос белесый, а мама красится хной, и голос по субботам светло-красноватый, а в пятницу как кофе с молоком.

– А... – протянул он.

Так-то Игорь с девчонками не дружит. «А она ничего», – подумал он и, подсев поближе, заглянул ей в глаза.

Света уже не маленькая девочка. Слушая голоса, она на-

чала влюбляться. Она с иронией вспомнила, как слушала голос дядь Гриши, и с ней что-то происходило. Света не знала, что, но в груди отчего-то сердце начинало стучать быстрее. И ей нравился его голос, такой хрипловатый, похожий на сапфир, что был у ее мамы. А после она услышала голос Витьки, он вечно гонял на велосипеде и гордился тем, что у него получают прыжки. Он купил ей мороженое, и опять сердце неровно забилося.

– Ты беги за хлебом, а то твоя мама рассердится. Лучше потом прибегай, – она услышала, как он встал и быстро пошел в сторону забора. «Мальчишки. Нет, что бы через калитку», – подумала она и, повернув голову в его сторону, крикнула:

– Принеси булочку с сахаром.

Но он, похоже, ее не услышал, шлепнулся с другой стороны забора и быстро побежал по дороге.

– А он ничего, – сказала Светлана вслух, – вроде симпатичный.

Но как она могла говорить о внешности, если ничего не видит? Для нее голос – это зеркало. Ну, подумаешь, нос не тот и уши оттопыренные, но голос и то, как он говорит, это как бы основания для личности. Слепой видит незримое. Светлана жалела, что потеряла зрение. Человек, родившийся слепым, не подозревает, что он слепой до тех пор, пока ему об этом не скажут. Но даже после этого он не поймет значение этого слова. Только зрячий знает, что такое слепо-

та. Светлана грустила, ее память вырывала из прошлого картинки лиц людей, и она пыталась представить, как выглядит Игорь.

Уже через час он перелез обратно через забор, она в это время была в огороде и собирала спелую малину.

– На, – сказал Игорь и протянул ей булочку с маком, – с сахаром кончились, но эту я побрызгал водой и посыпал сахаром, так что она теперь вдвойне слаще.

– Спасибо. М... Какая прелесть. М...

Вечером, уходя домой, он спросил:

– Можно я приду завтра?

– Да, – обрадовалась Светлана и пошла провожать гостя до калитки, чтобы он опять не полез через забор.

Теперь он заходил к ней каждый день. Пробежится по двору, покричит, а после в огород или маленький сад. Там дед Семен, его баба Клава попросила сделать для внучки навес и теперь, если было жарко, она всегда была там.

– А что ты делаешь, когда одна?

Он все время думал, что может делать слепой. Сидеть и слушать? Но это же скучно, так и свихнуться можно.

– Читаю. Вот, смотри, – она открыла книгу, где вместо букв были точки. – Это шрифт Брайля. Мне обещали в школе слепых, куда я хожу, осенью дать планшет, там можно читать любые книги. Спереди полоска и в зависимости от текста на полоске появляется, – тут она засмеялась и добавила, – пупырышки.

– Дай попробовать?

– Держи, не смотри на текст, положи палец и не спеши, постарайся почувствовать. Буквы – это точки. Буква «А» – это одна точка и она располагается в верхнем левом угле. Найди ее, но не смотри.

Но как бы Игорь ни старался, его пальцы ощущали только пупырышки и все, он не мог сосредоточиться и подсматривал.

– Вот, нашел.

Света коснулась его пальца и проверила.

– Верно, а буква «Б» – это уже две точки, одна под другой.

– А «В», это три?

– Нет, это будет буква «Л».

– Очуметь!

– Понравилось?

– Это же код. Где ты была раньше, мы в прошлом году с Лехой думали о своем шифре.

– Ну да, вы бы писали, а я бы как шпионка читала его.

– Пойдем на пруд?

– Пойдем, – сразу согласилась девочка, встала и поправила не себе платье.

Света безошибочно дошла до калитки, открыла ее и как зрячая вышла на дорогу.

– Как ты так делаешь? – удивился Игорь, не понимая ее.

– Со временем привыкаешь. Да, я не вижу, но это не означает, что я слепая.

– Как летучая мышь? – он имел в виду, что девочка ориентируется в пространстве, используя слух.

– Да, звуки важны, но еще я чувствую вибрацию почвы, – тут Игорь заметил, что она идет босиком. – И я помню, что до дома тетя Нины двести семьдесят шагов, а после надо перейти дорогу и, прижавшись вправо, дойти до открытой калитки у дядь Жени. Она у них вечно открытая, сломанная. А после сто восемьдесят шагов, и будет проход между домами через поле. Там можно пройти, если не было дождя, и по тропинке к пруду. Ну что, пойдём.

Она протянула руку и, нащупав его, взяла за руку. В обычных условиях Игорь отошел бы подальше, он что, маленький, чтобы вести его на пруд за ручку. Но тут иное дело, она ведь слепая. Он вздохнул и, покосившись по сторонам, боясь, что его заметят свои же, пошел со Светой.

Игорь шел молча и считал шаги. Света оказалась права, так и правда можно ходить, закрыв глаза. Правда, когда он это пробовал делать в поле, его все время уводило в сторону. Получалось, что начинал ходить кругами.

Света вдруг остановилась и, переступая меленькими шажками, подошла к воде. Присела и положила ладонь на воду. Игорь смотрел на девушку и старался понять, о чем она думает. Эта странная улыбка, так улыбаются только дети. Он вспомнил своих одноклассниц, с которыми учился в школе. «Нет, они другие», – решил он и так же как и она положил ладонь на воду. Странное ощущение. Снизу прохладно, вода словно щекочет ладонь, а сверху тепло, солнце припекает.

Он прикрыл глаза и постарался посмотреть на мир взглядом слепого. Сперва ощутил грусть, даже страх, а после услышал звуки воды. Она бежала тихо, но торчащие из воды камыши создавали приятный звук, похожий на шепот.

– А как ты купаешься? – поинтересовался Игорь.

– Так же, как и все, но не здесь, тут много коряг, а вот за мостом, там чисто. Видел, там большая заводь и вода спокойная.

– Пойдем туда.

– Завтра, хорошо?

– Договорились.

Игорь встал, снял кроссовки и босиком пошлепал по мокрому песку.

– У тебя большой размер, – услышал он ее голос у себя за спиной. Игорь повернулся, Светлана изучала пальцами от-

печаток его ноги. – Плоскостопие?

– Да, в садике и в первом классе даже на физру не брали, но я все равно бегал. Заметно?

– Есть немного. Наверное, поэтому твоя правая нога делает шаг чуть больше, чем левая.

Тут Игорь вспомнил, как ходил кругами в поле, если закрывал глаза, и действительно, он все время поворачивал влево.

– Подойди сюда, – попросила его Света.

Он подошел, и ее пальцы коснулись его ноги.

– Ой, – не выдержав, он запрыгал на месте, – щекотно.

– Извини.

– Все, я стою, – Игорь фыркнул, когда ее пальчики коснулись его кожи. Словно от холода, волосы на ноге встали дыбом, теперь она захихикала.

– Пойдем.

– Куда?

– Я обещала бабушке в обед быть дома.

– А... Давай, – он взял ее за руку, и они пошли в обратный путь.

Игорь пришел домой, лег на пол и, закрыв глаза, стал слушать. Станный мир слепого человека, он так ограничен, ведь кругом столько интересного. Он думали слушал, о чем говорит его мама на кухне, как пришел отец с работы. Все как обычно, но сейчас Игорь уловил в голосе отца раздражение, а в словах мамы нотки презрения. Открыл глаза, и все

стало как обычно. Мама хлопочет на кухне, готовит ужин, а отец, взяв ведро, пошел за водой. Он опять закрыл глаза и снова в словах мамы презрение к отцу. Игорь вспомнил, как весной мама упрекала отца, что тот не стал бригадиром. Зрение отвлекает, темнота оголила его чувства, ему стало не по себе. Игорь сел и покосился на дверь, откуда уже тянуло приятным запахом жаркого.

Он, как и обещал, к обеду пришел на пруд. Светлана уже была там, ходила вдоль длинной кромки берега и о чем-то разговаривала с собакой, которая прыгала вокруг нее. Свет падал на воду, отчего пруд превращался в большое зеркало. Игорь прищурился, присматриваясь к тонкой фигуре девушки, которая словно тростинка покачивалась из стороны в сторону.

Подошел поближе. Она не услышала его, а собака была так увлечена, что не обратила на Игоря внимания. Свет, отражаемый от воды, просвечивал ее платье, вот ножки, а вот... Девушка чуть нагнулась вперед и попыталась поймать собаку, но та тут же отскочила в сторону. «А вот ее грудь», – закончил он свою мысль. Как-то раньше не обращал на это внимание. Девчонки как девчонки, что в них такого интересного? Разве что визжат и царапаются.

Света пришла в соломенной шляпке с повязанной поверх голубой лентой, такого же цвета на ней было платье. Он сделал еще несколько шагов, собака вдруг залаяла и отбежала в сторону. Девушка повернула в его сторону голову, и ему по-

казалось, что она посмотрела ему в глаза. Но взгляд скользнул и ушел чуть выше.

– Это ты?

– Да, – тут же признался он.

– Что-то случилось?

– Нет, все нормально. – Света подошла и прислушалась. –
Говорю же, все нормально.

– Твой голос изменился. Ты мне соврал.

Игорю стало неловко за себя, ведь он до сих пор рассматривал ее фигурку. Поднял взгляд и посмотрел ей в лицо.

– Да я так.

– Знаешь, давно думала, почему человек врет. И знаешь, к какому выводу пришла?

– Нет.

– Страх. Да, именно страх заставляет человека говорить неправду. Не так поймут, осудят. Получить выгоду, выкрутиться. Быть честным – это не порок. Почему ты соврал?

Игорь не знал, что и сказать, он и хотел бы быть честным, но как?

– На тебя смотрел, – вдруг выпалил он, и на душе сразу стало легко и спокойно.

«Разве можно скрыть свои мысли?» – думала Света, вспоминая вечером, как бродила с Игорем вдоль берега пруда. Ее сердечко неровно билось, она вздыхала, а в голове мелькали отрывки его фраз. «А он ничего», – в очередной раз пришла к этому выводу Светлана. Но почему он ей понравился, ведь даже не знает, как он выглядит, какого цвета волосы и высокий ли он? Но голос и его слова заставили ее думать о нем.

– Ну как, готова?

– К чему? – удивилась Света, когда Игорь на следующее утро пришел к ней домой.

– Я обещал тебе показать поле с подсолнухами.

Она так далеко не ходила, только несколько раз с Ингой уходила в поле. Там уже давно поднялась пшеница, они сажались, срывали колосья, а после подружка учила ее плести венки. Колосья еще не такие тяжелые, и стебель пока не ломкий. Она надевала его на голову, а когда шла, колосья подпрыгивали в такт ее шагам.

– Тебе идет, – смеялась Инга и бежала в поле. – За мной, тут ровно, – кричала она, и Света сперва осторожно, а после уже бежала как раньше.

Она прислушалась к его голосу, сегодня он был у него цвета малахита.

– Хорошо, сейчас переоденусь и пойдем.

Света тут же забежала к себе в комнату и сбросила домашнее платье. Она зашивала его в нескольких местах и, как ей казалось, очень даже аккуратно. Но идти по деревне в нем она не хотела. Достала юбку, ткань была хоть и тяжелой, но мягкой. И тут Света остановилась. Она в доме была не одна. Привыкла вести себя свободно, папа иногда над ней шутил, когда она пробегала в одних трусиках. А мама говорила, что она уже не девочка и надо быть скромней.

От любопытства Игорь вытянул шею вперед и немного нагнулся, чтобы рассмотреть Светлану. Он заметил ее спину, сердце сразу тук-тук, но она что-то почувствовала. Света выпрямилась, прижала юбку к груди и, осторожно ступая, подошла, посмотрела в пустоту и аккуратно закрыла за собой дверь.

Тук-тук, сердце застучало еще сильнее. Игорь тяжело выдохнул и, стараясь ступать как можно тише, отошел в другой конец комнаты.

Минут через десять они уже шли по пыльной дороге. Игорь держал ее за руку, изредка они отходили в сторону, пропуская то мотоцикл, то грохочущий самосвал.

– Слышишь?

– Что? – спросил Игорь.

– Голос.

Игорь покрутил головой, услышал чей-то детский плач, крик бабки ни то на корову, ни то на козу. Но понял, что это не то. Остановился и закрыл глаза. Он сразу же услышал

женский голос, он пел.

– Похож на мяту.

– На мяту?

– Да, зеленый голос.

– Я вот не понимаю, как ты видишь голоса в цвете?

– Не знаю, вижу и все. Вот у Инги, ты ее знаешь, у нее серебряный цвет. А у тетя Тани, продавщицы в магазине, у нее голос фиалковый, а у их грузчика, он все время ворчит, у него голос бронзовый.

– А у меня?

– Утром, когда пришел, был малахитовый, а сейчас...

– А как же лягушка?

– Это было тогда, ты почему-то меня боялся.

– Ничего я не боялся, – хотя соврал, ему было неловко, что забрался в палисадник и наблюдал за ней.

– Опять! – Светлана имела в виду, что Игорь опять сказал неправду.

– Откуда ты все это знаешь?

Ему было интересно, как она определила, что он соврал.

– У каждого человека своя интонация, как музыка, а ты сфальшивил.

– Сфальшивил, – он был удивлен этому, вроде говорил как всегда. Но уже понял, что со Светой надо быть честным.

– Это что? – она остановилась и чуть наклонила голову, прислушиваясь к звуку.

– А это поле, тут пшеница растет, по нему ходить нельзя,

увидят, отругают. Пойдем, нам туда, – и потянул ее за руку в сторону грунтовки.

– Постой.

Девушка, осторожно ступая, сделала несколько шагов по полю. Игорь посмотрел в сторону деревни, но вроде, никого не увидев, пошел за ней. Ее ладонь, касаясь колосьев, скользила словно по воде. Она не обратила внимание на его слова и пошла дальше.

Тогда они с Ингой сплели свои венки и долго бродили по полю. А после подул ветер и хлынул дождь. Они завизжали, и подружка, держа ее за руку, бросились бежать в сторону ангаров, где хранилось колхозное сено. Света несколько раз упала, а когда забежали под крышу, уже промокли.

– Идем, – скомандовала Инга и потянула ее куда-то вглубь сена.

Они зарылись в него, прижались как можно ближе друг к другу, сразу стало теплей.

– Ты что сделала? – Света удивилась тому, как Инга вдруг поцеловала ее. – Зачем?

– Зачем, зачем. У тебя такие губки. Можно еще раз? – на всякий случай спросила разрешения Инга.

– Нет, – Света не знала, почему так сказала, даже не успела подумать.

– Жаль, – растерянно ответила Инга. Прижавшись, они стали ждать, пока закончится дождь.

Они пришли домой и вошли в сенки. Инга стояла рядом,

Светлана вытянула руку и безошибочно прикоснулась к ее щеке. В груди стало тепло, словно солнечный лучик пригрел. Пальчики пробежались по лбу, бровям, носу и коснулись ее губ. Так Светлана всегда смотрела на человека, через прикосновения. Инга хихикнула и, вытянув губки, чмокнула ее пальцы.

– Ты... – но Светлана не успела закончить, подружка засмеялась и тут же выбежала на улицу.

– До завтра, – донесся его голос со стороны палисадника.

– До завтра, – растерянно ответила Светлана и улыбнулась пустоте.

5

– А ты что тут делаешь? – Возмутилась Инга, увидев рядом со Светланой Игоря.

– Он мне показал поле с подсолнухами. Привет. Ты куда пропала?

– Привет, – сказала Инга Светлане и, недовольно посмотрев на Игоря, добавила. – Вали домой.

– Ну, ты чего? – удивилась Светлана такой агрессии подруги.

– Я пойду...

– Вали, вали, – добавила Инга, толкнула мальчишку в спину, и тот по инерции направился к своему дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.